

Кравченко Галина Валентиновна

ВУЗОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОЛИ "ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ" В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ)

В статье рассматривается вопрос о роли вузовской интеллигенции в качестве "третьей силы" в начале 20-х годов XX века на материалах Дона, Кубани и Ставрополья. Показано, что интеллектуальная элита края пыталась сформировать программы трансформации общества, включающие концептуальные представления о социуме и стратегии развития. Обосновывается, что основанием для выступления интеллигенции в роли "третьей силы" было то, что разворачивался процесс некоторой переоценки ценностей при переходе к нэпу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 5. С. 108-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Крымско-ногайские музыкальные инструменты имеют типологическое сходство с аналогичными инструментами других ногайских субгрупп и этнородственных народов, что подтверждается нашим сравнительным анализом. Причем типологическое сходство обнаруживается по основным параметрам: инструментальному составу, бытовому функционированию, лексико-семантическому значению названий инструментов, исполнительским традициям, историческому периоду их возникновения и т.д.

Список источников

1. **Алиев Ф. М.** Антология крымской народной музыки. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое гос. изд-во, 2001. 600 с.
2. **Аравин П. В.** Дуалеткерей и казахская домбровая музыка XIX века. Алматы: Онер, 2008. 240 с.
3. **Ахмедияров К.** Куй-уран. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 336 с.
4. **Беляев В. М.** Очерки по истории музыки народов СССР. М.: Музгиз, 1962. 268 с.
5. **Возгрин В. Е.** Исторические судьбы крымских татар. М.: Мысль, 1992. 246 с.
6. **Гуллыев Ш.** Туркменская музыка (наследие): автореф. дисс. ... д. искусствоведения. Ташкент, 1998. 38 с.
7. **Османов Д., Кариков Д.** Песни крымских степей. Симферополь: Тарпан, 2005. 122 с.
8. **Полевая запись автора статьи Кардановой Б. Б.:** записано в ауле Икон-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО, 1979 г. Информатор Туркменов К.-Г., 1915 г.р.; записано в ауле Икон-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО, 1980 г. Информатор Баисова К.-Х., 1905 г.р.; записано в селе Терекли-Мектеб ДАССР, 1988 г. Информатор Батыров С., 1950 г.р.
9. **Усманова А. Р.** Этномузыкальные параллели татар и тюркских этнических групп (ногайцев-карагашей, туркмен и казахов) Астраханской области: дисс. ... к. искусствоведения. Астрахань, 2008. 216 с.
10. **Шерфединов Я.** Звучит кайтарма. Татарские народные песни и инструментальные наигрыши. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1979. 231 с.

**THE CRIMEAN NOGAIS' MUSICAL INSTRUMENTS
(BY THE MATERIALS OF THE FOLK COLLECION "KUITARMA SOUNDS")**

Kardanova Bela Vaubekovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Karachi-Cherkess State University named after U. Dzh. Aliev, Karachaevsk
Beka-09@yandex.ru

The article deals with the musical instruments of the peoples of the Crimea with the aim of singling out instruments containing the Nogai ethnic component. The material of the study is the publications by the Crimean-Tatar researchers, which give information about instruments, ensemble and orchestral compositions, performing traditions of the region. To determine their ethnic belonging to the Nogai people the paper uses the method of a comparative analysis with similar instruments of other Nogai subgroups and ethnic-related peoples.

Key words and phrases: subethnic group of the Nogais; traditional musical instruments; musical publications; performing traditions; kaval; dumbelek; dare; military orchestras; zurna; saz.

УДК 323.329+378.4

Исторические науки и археология

В статье рассматривается вопрос о роли вузовской интеллигенции в качестве «третьей силы» в начале 20-х годов XX века на материалах Дона, Кубани и Ставрополья. Показано, что интеллектуальная элита края пыталась сформировать программы трансформации общества, включающие концептуальные представления о социуме и стратегии развития. Обосновывается, что основанием для выступления интеллигенции в роли «третьей силы» было то, что разворачивался процесс некоторой переоценки ценностей при переходе к нэпу.

Ключевые слова и фразы: интеллигенция; новая экономическая политика; Дон; Кубань; Ставрополье; «третья сила».

Кравченко Галина Валентиновна, к.и.н.

Ростовский государственный университет путей сообщения
gvkravchenko@yandex.ru

**ВУЗОВСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОЛИ «ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ» В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ДОНА, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ)**

Обращение к историческому опыту взаимоотношений интеллигенции и «партии власти» в начале 20-х годов приобретает особую актуальность в современных условиях модернизации российского общества. Следует отметить, что в социальной структуре любого цивилизованного общества интеллигенция является важной компонентой. Опубликованы многочисленные исследования, посвященные осмыслению исторических

судеб интеллигенции, её роли в демократической модернизации [3-5; 10-12; 14]. Сложно раскрыть содержание понятия «интеллигенция», которое соответствовало его историко-культурному контексту. В 1860-х годах под интеллигенцией понималась социально оформленная часть общества, которая выполняла функцию выразителя самосознания нации. Имманентно присущим российской интеллигенции качеством была духовность. И. С. Аксаков употреблял термин интеллигенция в кавычках, отмечая, что её идеалы были ориентированы на западные и расходились с ценностями народа. В 1909 году группа философов русского религиозно-философского Ренессанса (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве) противопоставили русскую интеллигенцию официальной государственной власти. В современных исследованиях используют понятия «интеллигенция», «интеллектуалы», «профессионалы». Их сосуществование не исключается, но и тождественность очень относительна. Таким образом, понятие «интеллигенция» исторически динамическое, сложно сконструировать единую концепцию. Необходимо в теоретическом осмыслении интеллигенции опираться на принципы историзма, преемственности, нахождения общего и сущего и другие. Интеллигенция это особая социальная группа профессионалов (интеллектуалов), которые наиболее развиты в духовно-нравственном плане.

В системе взаимоотношений власти и интеллигенции особое место занимал период нэпа, так как являлся временем «оттепели». В начале 20-х годов отмечалось «политико-психологическое расщепление» интеллигенции, в результате которого часть её вынужденно эмигрировала, другая участвовала в осуществлении нэпа. Основанием для выступления интеллигенции в роли «третьей силы» было то, что разворачивался процесс некоторой переоценки ценностей. В 1921 году объективно выявилась тенденция в пользу социал-демократической альтернативы развития и возможность экономического ренессанса на путях нэпа. Однако сказался субъективный фактор. Власть сделала приоритетным подчинение такого социального института, как образование и наука. Наиболее оппозиционно настроенной по отношению к советской власти и правящей партии была академическая вузовская интеллигенция. Анализ материалов по Юго-Востоку позволяет выделить в её рядах профессоров (Бартенева, Богораза, Лебедева, Мирама, Шибкова, Эдмина), которые лояльно относились к советской власти. Профессор А. И. Ющенко влился в их ряды позднее. Часть профессоров и преподавателей (А. Г. Белявский, Л. А. Велихов, П. Н. Червинский, П. И. Лященко, Миртов, Стасевич, Сущинский и другие) были настроены оппозиционно. В основе позиции интеллигенции по отношению к режиму лежали следующие факторы: падение престижа глубоких знаний и профессионализма; уничтожение части интеллигенции в годы гражданской войны в результате «красного» и «белого» террора; ухудшение условий её труда и быта. В начале 20-х годов ученые края активно участвовали в постановке и обсуждении дискуссионных вопросов: продналог в деревне, хозрасчет на государственных предприятиях и территориальная система управления ими. Важную роль сыграли работы П. И. Лященко о социальной природе и судьбах кооперации. В дискуссиях с участием интеллигенции формировались представления о сущности нэпа, механизме его осуществления, минимально допустимом пороге отступлений в его реализации с учетом специфики региона. Изучение личных фондов ученых (П. Н. Червинского, Т. П. Кравец, М. С. Вревского) в архиве РАН убеждает в том, что начало их деятельности связано с Доном и Кубанью [1]. Впоследствии профессора стали гордостью Российской академии наук.

Вплоть до начала 1920 г. вузы края сохраняли права автономии. В мае 1918 г. Совет народных комиссаров национализировал вузы, ликвидировав их автономию. В начале марта 1921 г. коллегия Наркомпроса утвердила Положение об управлении вузами. Основной пункт Устава предусматривал передачу полноты власти в вузах правлению, назначенному Наркомпросом, а не избранному профессорами. В 1922-1923 годах была введена система утверждения руководителей высших учебных заведений партийными инстанциями. Это вело к разрушению научной корпоративности и превращению учёных в «номенклатуру».

После установления Советской власти в Донском университете за два с половиной года сменили трех ректоров; были ликвидированы совет университета и правление. Выборные должности профессоров, ректоров, проректоров и деканов занимались после их утверждения Советами [8, д. 5, л. 18-19]. Изучение содержания статьи 30 «Положения о вузах» в фондах Донского государственного университета в Государственном архиве Ростовской области позволяет сделать вывод о том, что в Совет вуза направлялись представители Донкома РКП(б) и межсоюзных профессиональных объединений после согласования со Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) и Наркомпросом. Процессу свертывания автономии вузов Советская власть придавала политический смысл: «демократизировать науку». Правящая партия стремилась сделать высшую школу кузницей кадров новой рабоче-крестьянской интеллигенции. По данным Центра документации новейшей истории Ростовской области, было создано два новых факультета: педагогический (вместо историко-филологического) и ФОН (факультет общественных наук из двух отделений: правового и экономического). Состав деканатов ФОНов и педфаков стал назначаться центром по рекомендации партийных и союзных организаций [22, д. 140, л. 29]. Введение в вузах института общественных наук способствовало внедрению в сознание студентов пролетарской идеологии. С этой же целью в крае было создано пять рабфаков [6]. В редакционной статье газеты «Советский Юг» от 23 ноября 1922 года отмечалось: «Советская власть недостаточно богата, чтобы обучать в своих вузах будущих Сорокиных и прочую разновидность буржуазно-учредительного толка» [21]. Созданием рабфаков партия проводила линию классового отбора при поступлении в вуз [18]. Весной 1923 года донские профорганизации «откомандировали» в вузы и на рабфаки 881 человека [16, с. 47]. На Кубани было направлено 700 человек [17, с. 126]. Профсоюзы Дона установили 313 стипендий в различных вузах из своих средств по коллективным договорам с хозорганами. Наибольшее количество стипендий выделялось на рабфак – 182 [16, с. 48]. По архивным данным, к 1923 году по стране сложилась общая система «разверстки мест в центральные вузы и рабфаки» [7, д. 427, л. 12, 13, 15].

Всего в вузах Юго-Востока в этот период обучалось 9165 человек. Из них общее количество принятых по «командировкам» составляло 54% [13, с. 3].

Местные партийные органы решали широкий спектр вопросов по руководству вузами области. Анализ архивных материалов, содержания протоколов заседаний Секретариата Донского областного комитета РКП(б) от 17 октября 1921 года позволяет выделить вопрос об утверждении товарищей Рабиновича и Неймана лекторами для рабфака по политэкономии и советскому праву [22, д. 87, л. 34, 35]. В январе 1924 года Донком партии утвердил «вопрос об образовании в ДГУ левого фланга научных работников» [Там же, д. 184, л. 10]. В протоколе от 4 марта 1924 года работа фракции ДГУ признана Донским областным комитетом РКП(б) «удовлетворительной», а «линия поведения правильной». Партийными решениями в марте 1924 года количество студентов было сокращено до 2500 человек, а прием до 600 [Там же, л. 28]. В начале 1920-х годов власть шла на диалог с интеллигенцией, но при этом не отказывалась от основной задачи – пролетаризация высшей школы. Правящая партия стремилась вытеснить интеллигенцию из сферы воздействия на общественное сознание.

Однако, как отмечалось в периодике 1920-х годов, многие вузы края сохраняли элементы оппозиционности большевистскому режиму. В газете «Советский Юг» от 6 октября 1922 года подчеркивалось, что Донской университет остаётся «консервативной единицей» в силу «косности профессуры» [20]. По отношению к Советской власти среди научных работников выделялись три группы: во-первых, группа старой профессуры, находящаяся в оппозиции к большевистскому режиму, увлекшая большинство работников; во-вторых, группа левого объединения из 157 человек; в-третьих, группа коммунистов из 16 человек, составившая 3,6%. Всего в университете работало 56 профессоров, из них в первую группу входило 48 [2, с. 165]. В других вузах складывалась аналогичная ситуация. Анализ содержания стенограммы VII областной конференции РКП(б) позволяет отметить, что в Новочеркаске работали 120 профессоров, 300 преподавателей и обучались 2000 студентов. И только 12 человек входили в комячейку [22, д. 107, л. 15]. Важно подчеркнуть, что «пролетарский элемент» в вузах центральных губерний составлял 50%, на Дону – только 25% [Там же, д. 160, л. 50]. В передовице газеты «Наш труд» от 23 мая 1922 года отмечалось, что «в начале 20-х годов среди ученых было немало махровых консерваторов, а среди студентов – много белоподкладочников» [13]. Идеологи РКП(б) стремились избегать конфликтов с вузовской профессурой. Власть проводила политику искусственного расслоения научного сообщества. В 1921 году была создана Центральная комиссия по улучшению быта учёных (ЦеКУБУ). В 1922 году стали образовываться в регионах комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ). Для распределения материальной помощи составлялись списки деятелей науки на местах, затем представлялись на рассмотрение экспертной комиссии ЦеКУБУ, после чего утверждались правительством. Учёным, отнесённым к категории «правильных», советская власть оказывала большее материальное содействие. В 1923 году был отменён академический паёк, и ЦеКУБУ обеспечивала только учёных союзного и мирового значения. Таким образом, властные структуры стремились обеспечить политическую лояльность интеллигенции.

Даже находясь в оппозиции, интеллигенция края участвовала в политических процессах. Важно выделить основные направления и формы её участия: создание научных обществ; разработка актуальных социально-экономических вопросов в дискуссиях начала 20-х годов; использование содержания учебных курсов; работа в непроизводственных профсоюзах; создание благотворительных обществ (помощи школе, детям и др.). Переход к нэпу породил надежду интеллигенции на повышение престижа умственного труда, обеспечение более достойных условий для жизни и творчества. Подвергаясь ограничениям и дискриминации, старая интеллигенция находилась внутри социума. Старая профессура проявляла активность в создании научных обществ. В марте 1921 года по инициативе профессоров И. И. Ягодинского, А. М. Ладьженского, Д. Д. Мордухай-Болтовского было создано Философское общество при Донском университете. Заседания проводились каждые две недели, в воскресенье. «Велись горячие дебаты» по ряду проблем: «Основные проблемы гносеологии» (профессор А. М. Ладьженский); «Философское наследие Шопенгауэра, Гегеля и других» (профессор Н. Н. Сретенский); «Новая теория познания» (профессор И. И. Ягодинский) [15, с. 153]. Интеллектуальная элита края пыталась сформировать программы трансформации общества, включающие концептуальные представления о социуме, и стратегии развития.

На заседаниях экономического кружка, созданного на экономическом отделении ФОНа (бывшего ДИНХа) также проводились дискуссии по широкому кругу проблем: «Хозяйственная свобода и общественное регулирование», «Деньги и безденежное хозяйство», «Методология главных школ политической экономии», «История как наука», «О власти» и другим [19; 20]. В 20-е годы знания, опыт, практические навыки образованных слоёв общества власть использовала для разработки стратегии экономической модернизации. В начале 20-х годов представители вузовской интеллигенции активно участвовали в постановке и обсуждении актуальных социально-экономических вопросов на страницах местной периодики: журналах «Вестник финансов», «Бюллетенях кооперации Юго-Востока», «Юго-Восток», газеты «Советский Юг» и других. Профессора Г. М. Колоножников, В. Е. Варзар обосновали вопросы, касающиеся трестирования, а также укрепления потребкооперации; профессор В. В. Есипов исследовал местный бюджет; Л. А. Велихов – опыт муниципальной программы. Профессором Л. Д. Тарасовым были опубликованы критико-библиографические очерки по экономическим и социальным вопросам. В начале 20-х гг. событием научной жизни стала публикация монографий доктора социологии, читавшего лекции в Кэмбриджском университете, Л. А. Велихова «Основы городского хозяйства и финансы» и выдающегося экономиста М. А. Готлобера «Вольный рынок и цены промышленности» [9, с. 160-162].

Сегодня интеллектуальной элите предстоит повлиять на успешную реализацию курса на построение экономики инновационного типа.

Список источников

1. **Архив Российской академии наук** (Архив РАН). Червинский П. Н., геолог, профессор Донского политехнического института в 1909-1931 гг. Личный фонд 894; Кравец Т. П., физик, профессор Кубанского политехнического института. Личный фонд 855; Вревский М. С., профессор Кубанского политехнического института. Личный фонд 875.
2. **Белозеров С. Е.** Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1959. 358 с.
3. **В поисках пути: русская интеллигенция и судьбы России.** М.: Русская книга, 1992. 384 с.
4. **Вехи. Из глубины.** М.: Правда, 1991. 606 с.
5. **Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции.** М.: Новое время; Горизонт, 1990. 210 с.
6. **Газов Л.** Ещё о рабфаках // Советский Юг. 1923. 26 января.
7. **Государственный архив Ростовской области (ГАРО).** Ф. 3713. Оп. 1.
8. **ГАРО.** Ф. Р-348. Оп. 3.
9. **Известия Донского госуниверситета.** 1924. Т. IV. 180 с.
10. **Интеллигенция. Власть. Народ:** антология. М.: Наука, 1993. 336 с.
11. **Интеллигенция в России.** М. – СПб., 1910. 256 с.
12. **Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации:** материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 215 с.
13. **Медведков И.** О комплектовании вузов и рабфаков // Наш труд. 1922. 23 мая.
14. **На перепутье (Новые вехи):** сборник статей. М.: Логос, 1999. 2470 с.
15. **Отчёт о деятельности Философского общества при Донском университете** // Известия Донского госуниверситета. 1921. Т. 1. С. 153-154.
16. **Профсоюзы Дона от 4-го к 5-му Областному съезду профсоюзов.** Ростов-на-Дону: Изд-во РИО; Юго-Востбюро ВЦСПС, 1924. 154 с.
17. **Профсоюзы Кубано-Черноморской области в 1923 г. (по материалам 5-го областного съезда профсоюзов).** Краснодар: Изд. Кубчерсовпрофа, 1924. 180 с.
18. **Рокотин И.** Рабочий, иди в рабфак! // Советский Юг. 1922. 23 сентября.
19. **Советский Юг.** 1922. 24 февраля.
20. **Советский Юг.** 1922. 6 октября.
21. **Советский Юг.** 1922. 23 ноября.
22. **Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО).** Ф. 4. Оп. 1.

**UNIVERSITY INTELLIGENTSIA IN THE ROLE
OF “THE THIRD POWER” IN THE EARLY 20S OF THE XX CENTURY
(BY THE MATERIALS OF THE DON, KUBAN AND STAVROPOL REGIONS)**

Kravchenko Galina Valentinovna, Ph. D. in History
Rostov State Transport University
gvkravchenko@yandex.ru

The article deals with the role of the university intelligentsia as “the third power” in the early 1920s by the materials of the Don, Kuban and Stavropol regions. It is shown that the intellectual elite of the region tried to create programs for the transformation of the society, including conceptual notions about the society and the strategies of development. The author substantiates that the reason for the intelligentsia’s performance in the role of “the third power” was that a process of some reassessment of values took place during the transition to the NEP.

Key words and phrases: intelligentsia; new economic policy; Don region; Kuban region; Stavropol region; “the third power”.

УДК 94"16/18"

Исторические науки и археология

«Джорнале» Маттео Рипы – мемуары итальянского миссионера – является одним из важнейших источников по истории Китая XVIII века. После смерти автора текст был отредактирован и переиздан иезуитами, которые в результате сместили смысловые акценты так, что антииезуитские настроения Маттео Рипы напрочь исчезли из текста. Именно в этой версии он стал известен широкому кругу исследователей. Сопоставление с оригинальным текстом позволяет сделать вывод о намеренно внесенных редакторами изменениях, искаживших смысл описанных о. Маттео событий.

Ключевые слова и фразы: иезуиты; миссионеры; Китай; Ватикан; Маттео Рипа; католическая духовная миссия; «спор о ритуалах»; культ предков; конфуцианство.

Круглова Мария Семеновна

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва
Институт экономики Российской академии наук, г. Москва
mashakruglova999@gmail.com

«ДЖОРНАЛЕ» МАТТЕО РИПЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

«Джорнале» (“Giornale”) отца Маттео Рипы (1682-1746) представляет собой текст воспоминаний итальянского священника, отправленного решением Ватикана с духовной миссией в Китай. Среди исследователей